

АЖОЛДОШЕВА АЙСАЛКЫН

18+

ЗА ЗАБОРОМ

Айсалкын Джолдошева

За забором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55338474

ISBN 9785449881236

Аннотация

У каждого из нас есть родители, с которыми мы связаны невидимой нитью. Когда она истончается, происходит не только то, что мы видим на поверхности отношений. Тогда образуются глубокие раны, которые порой трудно, а порой и невозможно залечить. Эта книга о старике, о его жизни, ошибках, отношениях с детьми... Он нуждается во внимании, заботе, но судьба не щадит его, а преподносит все новые и новые удары, отчего он постепенно сходит с ума.

Содержание

Глава I	5
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

За забором

Айсалкын Джолдошева

Марианна Хан *Редактор*

Марианна Хан *Корректор*

Сагидолла Жанар Ерланкызы *Иллюстратор*

© Айсалкын Джолдошева, 2020

© Сагидолла Жанар Ерланкызы, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-8123-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Он безумно любил вторую дочь, которая исчезла ровно пять лет назад, и белые розы. Последние любил так же сильно, как отец любит своего ребенка. Аккуратно и ненасытно. Он просыпался утром и первое, что он хотел видеть, были его цветы.

Дедушка Дайыр сидел у ворот и, задумавшись, провожал взглядом пролетающую над ним птицу. И сам улетал мыслями за ароматом свежей белой розы. В саду своих идей он был просто счастлив. Он сидел у ворот с утра до вечера и радовался чему-то. Довольное лицо говорило о том, что его мысли шушукаются, как молодые женщины в гареме. Солнце плыло и пряталось за грязной плакучей ивой. Когда все собрались ужинать, он отвлекся от своих мыслей, зашел в комнату и тихим голосом сказал:

– Я решил убрать ворота.

Все сидящие за столом выпучили глаза. Ни дочь, ни невестка не собирались ему что-то отвечать. Они знали, что это только начало.

– Опять началось, – буркнул младший сын Дайыра, Курбан, и вышел из комнаты. Не мог он нормально разговаривать. Ни с отцом, ни с людьми. Любая его фраза заканчивалась двумя-тремя словами. А его голос звучал так, будто в доме мычал злой бык. Длинный рост, черные кудрявые во-

лосы и большой широкий нос делали его еще более грубым. Его жена молчала, чтобы не показывать, что она тоже нервничает, и продолжала усердно поправлять скатерть на столе.

– Куда собираетесь перенести их? – спросила Зейнеп, дочь Дайыра, с интересом, не выдержав долгой паузы.

– Ну на свое место. Где раньше была. Чуть-чуть где-то метр назад от прежнего места установим и поставим скамейку на улице.

– А раньше тоже была скамейка. Причем неплохая, не шаталась. Можно покрасить ее в какой-нибудь цвет и все.

Дайыр обиделся на дочь, взял топу и положил на макушку, закрывая блестящие части головы. А покидая комнату, гордо произнес: ¹

– А я что? Впустую жизнь прожил? Спрашивать должен?!

Напоследок он откашлялся, после чего в комнате воцарилась томительная тишина. Дайыр не спеша ушел в свой сад, в свой музей воспоминаний. Место под виноградником, где он раньше сидел с женой и проводил счастливые вечера, было тем местом, где он чувствовал себя счастливым. Там он встречал в жаркие летние дни солнце и провожал. Особенный запах того времени ощущал в своей памяти Дайыр. Один раз он заставлял его вспоминать прошедшие дни и задумываться, в другой – наполнял его глаза слезами от прошлых ошибок.

Сейчас даже пятилетняя внучка Айпопо понимала, что

¹ Головной убор.

у него душевное беспокойство. То, что он двигает дверь во дворе с одного места на другое и меняет ее не первый раз, знала вся улица. И каждый раз он менял размер ворот, материал и цвет.

– Даже хамелеон не так часто меняет цвет. И какой будет на этот раз? Зеленый, коричневый были и голубой тоже. Какой еще? Давайте лучше радугу нарисуем, и вы не будете меня больше беспокоить? А? Землю надо готовить к весне, а не вот этим заниматься, – возмутился младший сын, приближаясь к отцу, и его лицо сильно побелело.

Дайыр, прислонившись к опоре-шпалеру из дуба, которая держит виноградное дерево, стоял под дождем. Именно в дождливую погоду он не чувствовал себя одиноким. И эти последние снего-дождевые февральские дни давали ему надежду жить. Жить и чувствовать, что не он один плачет. Бог вместе с ним. Ничего не радовало его кроме дождя. Земля без зелени, деревья без листьев и сыновья дрянные. Родной брат тот еще козел, а дочери какие-то непутевые.

Наступил новый день, и Дайыр был готов приступить к работе. Невестка Зарина с дочерью Дайыра Зейнеп сидели за столом и продолжали есть давно остывшую еду. Детей дома не было. Их еще в начале января отправили к своим бабушкам и дедушкам. Сын Зейнеп Жамгырчы, которому исполнилось недавно 13 лет, был у тети по отцовской линии. Он туда часто ходил развеяться и там же учился ремонтировать машины. Все понимали, что ему сложно с дедом, с его

характером. Иногда он не выдерживал. Он учился в школе три дня в неделю, а в остальные дни выполнял прихоти деда, слушался его, не бунтовал. Тогда его школьная сумка не двигалась с места, как стояла за старым шкафом, так и стояла, покрываясь пылью.

По телевизору показывали давно снятый советский фильм, да и сам телевизор был старый. Иногда он просил, чтобы постучали по его бокам, подергали за провода и тогда он дальше продолжал работать. В фильме показывали голубые автобусы, напоминающие сапоги, женщин и фонари.

– Красивые фонари, – сказала невестка.

– Ага, – согласилась Зейнеп, но вдруг вздрогнула и добавила, – хорошо, что папа не видел.

– Почему? – с опасением поинтересовалась невестка.

– Он и фонари хотел поставить, но удачно забыл.

– Кстати, сегодня до меня дошли слухи, что брат папы собирается в паломничество. Не знаю, правда это или нет. Не слышали?

– Кто? Этот мерзкий человек? – Зейнеп, зная о ком идет речь, не стеснялась и высказывала, кем она в конечном счете его считает.

– Акмат Байке, – не хотя произнесла его имя невестка.

Она всегда говорила с осторожностью. Она была неухоженной и неаккуратной, но все считали ее хорошим человеком. У нее было светлое лицо, большие голубые глаза, тонкий нос, и по внешности она была полной противоположно-

стью мужа, младшего сына Дайыра – Курбана.

– Вот мою посуду и понимаю, насколько он грязный человек. Липкий и грязный, вот как вода после мойки посуды. Даже после недолгого разговора о нем остается тяжелый осадок на душе.

– Вы что? Оставьте мне, я сама помою.

– Я ничего, со мной все нормально. Был бы он с совестью, пришел бы на мамины похороны. Живет в двух метрах от нас. Не пришел же, зато с женой на свадьбу поехал. И на поминальный день не пришел. Ничего я еще не забыла. Я все помню. Кто в каких носках пришел и с чем, тоже помню. Всем соседям он рассказывает, что ездил на похороны какого-то друга сына. Зачем оправдывается, не могу понять.

Зейнеп завелась не на шутку. Голос ее стал твердым и жестким, лицо как будто окаменело, постепенно приобретая синий оттенок.

– Может, так и было? – предположила невестка.

– Врут они. Внук, которого взяли с собой, сын младшего сына, рассказывал потом всем, что были на свадьбе. Родной брат все-таки, не чужой. Отцу тогда было особенно одиноко, нелегко, хотя у него и есть четверо сыновей. Они никудышные, даже для ножа рукоятью не годятся. Со дня смерти матери прошел почти год, а отец до сих пор с эмоциями не может справиться. За что ему такая жизнь? Ну скажи, за что? Акмат Байке, родной брат, всю жизнь пил и бил жену. Теперь живет, как пчела в банке с медом. Пускай едет! Ты думаешь,

что он стремится к праведности?

Невестка растерялась, ибо не видела ее еще такой смелой в высказываниях. Она была в недоумении от реакции Зейнеп на новость. Зейнеп пугала ее, как одно из чучел, которые создавал Дайыр. Он делал их из разных материалов и был известен этими пугалами на весь район, ведь они всегда получались очень похожими на людей. Он делал чучела на заказ и имел свой небольшой доход. А еще Дайыр славился своими сыновьями.

– Может, отправим отца пока что к Лоле, старшей сестре? Если эти слухи правдивые? – предложила невестка.

– Почему? – Зейнеп не понимала, при чем тут отец.

– Не все могут совершать хадж. А папа всегда хотел. Но знал, что у него такой возможности не будет, поэтому молчит.²

– Не знаю. Согласится ли отец? – то ли она бы умной, то ли мамина кровь в ней все еще жила, но она всегда возвращала вопросы, избегая конфликта и недопонимания.

– Предполагаю, что, да, согласится. Если нам повезет, то он и о своих планах про ворота забудет. Ему нужен покой. Он сам себе не дает отойти в сторону от проблем. Который раз люди смеются над нами.

– Никто же еще ничего не сказал.

² Хадж – паломничество в Мекку, город в Саудовской Аравии, где в мечети Аль-Харам находится главная святыня ислама – священная Кааба. Кааба – кубическая постройка, покрытая черным вышитым шелком. Она стоит во дворе Запретной Мечети в Мекке.

– Но они видят ведь! Какое позорище! Сколько раз в день они по нашей улице ходят на базар, на свадьбы, в школу и на работу?! Прославились мы на весь район. Если из этой дороги сделают объездную, вот водителям будет весело. Наш дом и так превратился в живой театр. Давай тогда отправим его к Лоле, побудет у нее хотя бы до осени. Забудет, так забудет про ворота и про брата, если нет, то мы ничего с этим не сможем поделать.

Через два дня Дайыра отправили к старшей дочери. Но уже на следующее утро он вернулся. Спросить, почему так быстро и таким ранним утром, никто не успел. Дайыр выглядел счастливым. В правой руке он держал новую куклу с рыжими кудрявыми волосами и такими же карими глазами, как у самой маленькой внучки Айпопо. А на неровной сырой земле в пакете лежало покрытое пылью зеркало, в старой раме без краски.

– А это я повешу на ворота, – радостно сказал Дайыр, вытаскивая зеркало из полиэтиленового пакета.

– Такое большое зеркало повесишь на ворота? – удивленно спросил младший сын, который вышел навстречу отцу.

– Ты сначала поздоровался бы. Да, но оно не большое, тебе кажется. Оно совсем не большое, – возражал Дайыр. – Только рамку надо окрасить, но не сегодня. Надо ему сначала дать высохнуть, валялось на складе у Лолы, в куче мусора. Я там прибрался как мог. Жамгырчы надо было взять с собой, он бы помог мне. У Лолы вся семья заболела гриппом.

И я решил вернуться. Ничего, теперь спокойно могу заняться делом.

Дальше он рассказывал, что соловьи поют у дочери как-то странно, и что они издеваются над людьми по утрам. Он был сильно удивлен тому, как они поют с настроением. Затем он поведал, как ошибся, когда до вечера ждал, что дождь закончится. И поделился, что младший сын дочери какой-то нервный, от злости на него он остался под дождем и стал рвать траву.

Дайыр был стар, и 50 лет он прожил в своем большом доме. Он строил его сам, своими руками, когда только женился. Окон в доме было много. Он был похож на местную больницу, потому что в нем было много окон – спереди, сзади и по бокам. Стены дома были блекло-белыми. Последние пять лет часто шли дожди, и дом терял яркость, как Дайыр терял разум. Потолки в доме были из самых дорогих сосен в то время, с узорами, напоминающие острые морские волны.

«Ручная работа», – говорила младшая дочь Дайыра Венера, шутя и отвечая на вопросы гостей, почему они такие. Картавила она заметно. Из всей семьи по росту самой маленькой была она. Ее узкие глаза, тонкий нос и маленькое лицо заметно выделяли ее. Она была точной копией брата Дайыра Акмат Байке. В разговоре Зейнеп с невесткой случайно вспомнили ее.

– Давно Венеры не было дома, не навещает отца.

– Слушай, мне надо сообщить старшей сестре о состоянии отца, – вдруг вспомнила Зейнеп. – Ты накрой на стол, а я пойду письмо ей передам. Пора вмешаться, я переживаю за отца. Отправлю письмо через водителя. Если сейчас к двенадцати успею, то к вечеру она приедет. Меня мучает зеркало, зачем оно нужно? Кажется, все серьезно. Он и правда хочет повесить его на ворота.

– Кто сегодня водитель? – спросила невестка.

– Не знаю, забыла их график, – задумалась ненадолго Зейнеп.

– Если Андрей, то он передаст. А вот этот новый странный какой-то, мне он один раз отказал.

– Ну тогда дам немного денег, думаю, не откажет.

– Он и деньги не берет.

– Не знаю. Не знаю, что делать. Не знаю, кому пожаловаться. Я вот сама живу с вами, разведенная и не молодая на вашей шее с сыном подростком. В чье плечо я могу порыдать? Нет мамы, нет женщины, платье которой впитает мои слезы! – дав волю слезам, Зейнеп разрыдалась.

– Старший брат Токтогул дома, не знаешь? – через пару минут спросила она, успокаивая себя. – Какой сегодня день? Он не на дежурстве?

– Невестка была дома, дети еще не приходили.

– А Султан?³

– Тоже не знаю. Омка утром приходил, не соврать, часов

³ Второй сын Дайыра.

в пять. Был в майке и трусах. Походил по саду, поел и ушел. Бормотал, что папа спит. Айпопо где, спрашивал. ^{4 5}

– Асхат тоже тогда на работе? ⁶

– Вчера заходил, сказал, что сегодня берет выходной.

– В принципе мы все дома. Если Лола успеет, то сегодня можем собраться. ⁷

– Но Арууке нет, и Венеры нет. Отпустят ли ее, мы еще не знаем. ^{8 9}

– От Арууке сестры, кстати, вестей нет? – спросила невестка. Про нее последние шесть месяцев никто и не вспоминал. И Зарина думала, что Зейнеп знает что-то, чего не знает она.

– Нет, никаких, – резко ответила Зейнеп.

– Сколько лет прошло? – задумалась невестка.

– Четыре, нет, вру, скоро будет пять лет, – вспоминала Зейнеп.

– Папа после смерти мамы сильно ослаб. И за сестру переживает. Может, чувствует себя виноватым перед ней, – сказала невестка, высказывая свое мнение.

– Но в этом нет никакой его вины. Она обанкротилась са-

⁴ Сын Султана, внук Дайыра, больной ребенок.

⁵ Дочь Султана, внучка Дайыра.

⁶ Третий сын Дайыра.

⁷ Старшая дочь Дайыра.

⁸ Вторая, пропавшая дочь Дайыра.

⁹ Четвертая дочь Дайыра.

ма. А с такими долгами она не могла остаться в городе. Люди не дали бы ей жить. Поступили бы так, как с покойным Ким. Его ведь заставили есть мозг осла, а потом убили в горах. Люди звереют, когда речь идет о больших деньгах. Но я помню ее последний разговор с отцом. Говорила, что винит его. Он не продал тутовый сад, когда она просила и не выдал ее замуж. Арууке тогда была не в себе. Плакала. И они с отцом долго разговаривали. Я не выдержала, не стала подслушивать. Если бы они согласились тогда выдать ее замуж, то все было бы по другому. У нее была бы семья, дети...

– Ты же знаешь, все было совсем не так. Ей тогда и восемнадцати не было. А вашей старшей сестре было двадцать восемь. Тогда все девушки выходили замуж до двадцати трех, а старшая сестра оставалась в старых девах. И папе было стыдно перед людьми. Выдавать замуж восемнадцатилетнюю, когда есть старшая незамужняя дочь – это был позор. Помню еще, что про сватов узнали старшины через соседей и приходили к отцу поговорить. Контролировали. Это только сейчас об этом забыли. Сейчас не так, как раньше. Тогда соблюдалась очередь. Сейчас поселок стал городом. Много чего изменилось с тех пор. Нет жесткого контроля со стороны старшин.

– Да... – подхватила Зейнеп, – Арууке же хотела замуж за своего парня. И она об этом открыто сказала родителям. Но они были категорически против. Нельзя было по обычаям выдавать замуж вторую дочку, когда есть старшая. Выда-

вать младшую замуж первой считалось позором. А она не захотела ждать сестру. Настаивала на своем. Тогда ей запретили встречаться с ним. Но она с этим не смирилась в душе.

– Да?

– Да, – продолжала Зейнеп, – парень женился на другой. На своей соседке. Месяц Арууке не выходила из дома. А потом начала заниматься бизнесом, чтобы забыть его. Жила хорошо. Купила квартиру. Но свою любовь никак не смогла забыть. Воспоминания о нем сбили ее с пути. Осенью, когда саранча съела весь урожай, она обанкротилась. Оставила все, как есть, и уехала. Исчезла. Мама начала по ней скучать. Тосковала. Ее страдания известны только нам... Мы все думали, что она вернется через год. Но вестей так и не было. Затем второй год прошел. Папа признался семье, что сильно ошибся. Родители пожалели, что отказали дочери. А потом уже мама слегла в постель, а папа начал уходить в себя. Хотя тогда мы еще толком ничего не замечали.

– Это тогда его поведение сильно изменилось?

– Да... Мы надеялись, что она вернется домой. Не было никакой информации о ее существовании. Помню, что папа именно тогда начал вести свои странные записи, разговаривать с собой... Но кажется, я заговорила. Давай потом это обсудим. Все, я побежала отдавать письмо. Что мне сказать Лоле? Что срочно надо приехать сегодня? Или сказать, что семейное собрание? – Зейнеп ненадолго задумалась. – Ладно, на месте разберусь.

– А Венере как сообщим?

– Сходи в лесхоз, у них заработал телефон. Позвони в роддом и попроси, чтоб Аскара позвали. Думаю, он на дежурстве. И скажи ему, что очень надо.¹⁰

– Он ревнивый. Вряд ли отпустит ее одну.

– Как будто только у него жена есть, а у остальных нет. Скажи, что очень надо.

Зейнеп взяла сумку и пошла отправлять письмо. В ее и так безрадостных глазах появились блуждающий страх и боль за отца. Поступки отца не выходили у нее из головы. Но она успокаивала себя, думая, что отец все-таки зеркало прикрепит внутри двора, а не снаружи. Уверяла себя, что беспокоится по пустякам. Она задумалась и не заметила, что автобус уже проехал вперед и сигналил ей. Водитель узнал ее и остановился. Подбежав к автобусу, Зейнеп широко улыбнулась. Быстро поздоровавшись, шофер сказал:

– Письмо?

Зейнеп в ответ кивнула головой.

– На сегодня надо?

– Да.

¹⁰ Муж Венеры, четвертой дочери Дайыра, работает в роддоме.

Глава II

Собрание состоялось. Но собрались не все. Как всегда не пришел второй сын Дайыра, Султан. Хотя этому никто и не удивился. Даже, когда Дайыр просил его навестить, он не приходил под разными предлогами.

– Где папа, – спросила Зейнеп у старшей дочери отсутствующего Султана.

Та ответила, что он сейчас придет. Но Зейнеп продолжала спрашивать, точно ли он придет или ему не сообщили о собрании. И только жена Султана и Дайыр знали, что он все равно не придет. Хоть бульдозер отправляй за ним.

Собрание начали спокойно, за общим столом. Уже был вечер. За окном дул еле заметный ветерок. Дети играли в большой комнате в прятки.

– Папа хочет повесить зеркало на ворота, – сказала Зейнеп в начале семейного собрания.

Дайыр глотнул свежесваренный чай.

– Оно не большое, – начал он, заранее зная, что дети будут против.

– Который раз передвигаем ворота. Давай вот на этот раз остановимся. Зачем каждый раз передвигать? – вступил в разговор старший сын Токтогул.

– Я бы лучше вместо ворот занялся подготовкой земли к посеву пшеницы, – добавил младший сын Курбан, устав-

ший от папиных идей. Его же неожиданная идея не всем понравилась. Дайыр задумался и с недоверием спросил:

– Ты решил вернуться к фермерству?

– Земля уже достаточно отдохнула, набралась сил. Думаю, теперь можно пользоваться ею.

– Не рановато? Два года отдыхала? Может, еще год подождем?

– У людей по пять лет отдыхает, – добавила жена Курбана. Его идея больше всех не понравилась ей. Она знала, что тогда и ей придется трудиться на поле. А она вышивала дома на заказ и не хотела отвлекаться.

– Нет, достаточно. Почва хорошая была еще осенью. Я тогда уже начал готовить землю. Если ждать, то и десяти лет будет мало, – стоял на своем Курбан.

– Кого знаю, все оставляли на покой на пять лет. За два года не восстанавливается она, – Дайыр не знал, что делать. Соглашаться или нет. Но всегда мечтал, чтобы сын сам пользовался землей и никому не отдавал в аренду.

– Ты всегда начинаешь и бросаешь. Отдохнувшую землю отдаешь в аренду, а когда она истощается, начинаешь сам ею пользоваться. В итоге никакой пользы, мало урожая, разве что только вам самим хватает, – добавил третий сын Асхат.

– Сам видел, какой урожай был последние годы. Не только у Курбана, у всех, – в защиту младшего брата отозвалась старшая сестра Лола. – Саранча сделала свое дело. Сколько шума было из-за нее, она все съела. С пустыми руками оста-

лись, – она хотела отвлечь Дайыра от его непонятных идей и была готова на все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.